

его, какъ постулатъ, на которомъ строится все здание, то нельзя подрывать его утвержденіемъ совершенно противоположнаго характера. Здѣсь мы имѣемъ примѣръ все той же двойственности Толстого, какъ человѣка эмоціи съ одной стороны и разсудка съ другой. Пускаясь по дорогѣ разсудочныхъ умозаключеній, онъ не замѣчаетъ того, совершаетъ убійственно разрушительную работу по отношенію ко всѣмъ съ такимъ трудомъ и усердіемъ воздвигавшимся имъ постройкамъ. Такъ, напримѣръ, онъ въ данномъ случаѣ, не только отрицаетъ личное пониманіе и личное душевное участие во всеобщемъ религіозномъ существованіи міра, но высказываетъ даже сомнѣнія относительно возможности для человѣка сознанія единой и послѣдней цѣли въ мірѣ вообще. По крайней мѣрѣ, его замѣчанія относительно того, что жизнь міра «не должна быть бессмыслицей для высшей силы» похоже на выраженіе отчаянія. Вотъ это мѣсто:

«И если для меня жизнь моя непонятна и всѣ цѣли, которыя я могу ставить себѣ и міру,—бессмысленны, то жизнь моя и міра не можетъ и не должна быть бессмысленной для той высшей силы, которая послала непонятнаго себѣ—меня—въ міръ и руководитъ непонятной мнѣ жизнью міра».